

В ожидании Пита Сампраса

Только дурак сидит и ждет, *Сегодня. - 1994. - 19 июля. - С. 10*
когда же на него рухнет Золотая пальмовая ветвь

Канн

Юрий Гладильщиков

В

второй раз за дни Канна расхожусь во мнениях со всей мировой кинопрессой. Расхваленному мной в позапрошлом номере «Сегодня» самоубийственному (выходит, что двояко) фильму итальянца Джузеппе Торнаторе оценки тут выставяют самые мизерные. Теперь — случай с картиной классика среди классиков Чжана Имоу (французский перевод названия — *Vivre*, английский — *Lifetime*, соответственно — «Жить» и «Время жизни»). Случай обратный. Критики, даже из наших, ходят и говорят: «Да, это обычный соцреализм, сто раз виденное, но это — уровень и к тому же серьезно». Попались.

Имоу, автор почти гениальных «Красного гаоляна» и «Красных» же, но «фонарей», снял на сей раз трагическую эпопею о быте типичной низовой китайской семьи на протяжении почти 30 лет: 40-е—70-е. Хозяин проигрывает дом в кости. Гражданская война «коммунистов» с «националистами». (Коммунисты по-прежнему изображены милее.) Начало культа Мао. Нищета, нищета. Культурная революция. В предисловии к фильму Имоу написал, что миллионы китайцев выжили в тяжелых условиях, как выживает трава. Действительно страшно (хотя сам Имоу усматривает в этой способности выжить повод для оптимизма). Но ведь десятки раз проговорено. Не о том ли же были фильмы, снимавшиеся пять-семь лет назад у нас? Не о том ли же самая картина прошлого года каннского триумфатора Чена Кайге «Прощание с моею парой», тоже, кстати, эпически охватывающая ряд десятилетий?

Фильм Кайге, в отличие от Имоу, был вдобавок многослойным. Например, прослеживал связь

между застывшей консервативной культурой старой нации и политическим тоталитаризмом. Между современным тоталитаризмом — и древней ритуальностью (тема, отыгранная и самим Имоу в «Красных фонарях»). В школе при традиционной китайской опере моделировалось все — вплоть до будущей сексуальной ориентации артистов. У Имоу вместо традиционной китайской оперы — традиционный китайский театр теней. Просто как знак того, что вот: была у народа своя культура, кою попытались отнять. Интересно: много ли еще осталось у китайцев местного экзотического, на чем можно строить кино? Слово «экзотика» считается сегодня на Западе некорректным. Назвать что-либо экзотическим — как бы обозначить высоту, цивилизованность, основоположность нации собственной. Но при некорректности определения, снобистки даваемого **сверху**, игра на экзотике, ведущаяся **снизу**, по-прежнему результативна. Особенно когда играют китайцы. Культурные приоритеты современного мира вообще активно смешаются в сторону Юго-Восточной Азии. В том числе и по соображениям практическим. Те же китайцы составляют уже значительную часть населения Америки. Их выгодно задабривать. Им надо предлагать товар, за который они заплатят.

Это не все. Можно заподозрить игру и **вокруг** фильма Имоу. Фильм в Китае не одобрен. Китай протестовал против его включения в каннский конкурс (материальных прав, прочем, не имея: продюсер из Гонконга). Сообщили, что Имоу в Канн не приедет. Потом вдруг объявили его пресе-конференцию, на которую, однако (случай для Канна небывалый, тут анонсируют только верное), Имоу-таки не прибыл. Не выпустили? Всю съемочную группу выпустили, включая жену Имоу, новую суперзвезду Гонг Ли. Протесты уже с другой стороны, акютаж и пр.

Запреты запретами, посочувствуешь, но как-то странно: почти все китайские фильмы последнего времени хранят репутацию полуподпольных, задавленных диктатурой — и все свободно показываются на зарубежных фестивалях. Знаменит случай с картиной «Пекинские ублюдки»: снимая его, режиссер одновременно делал фильм про то, как его давят. Вот режиссер приходит домой, нервный, измочаленный бессмысленной борьбой с госмашиной, а там на столе очередное официальное послание об усилении репрессий. Итог? Средний фильм взял кучу призов. Это заставило коллегу из «Ъ» Андрея Плахова (который тем не менее, как и западники, одобрил фильм Имоу, почему я и пообещал ему написать, что в 1968-м именно такие, как я, против таких, как он, выстраивали в Париже баррикады) предположить, что они там у себя заранее сговариваются о рекламных репрессиях. И что карту разыгрывает — гонконгский продюсер.

Короче, вопреки каннской традиции не присуждать главный приз дважды подряд одной и той же стране (если это не Штаты), Имоу, уже победившего прежде в Берлине и Венеции, пытаются вытянуть на Золотую пальмовую ветвь. Если он ее получит, то станет своего рода Питом Сампрасом от кинематографа, одолевшим все турниры Большого шлема.

Два P. S. 1) Сознательно не пишу пока о другом потенциальном Пите Сампрасе — Кишипофе Кеслевском, чей фильм «Красный» качественно завершает трилогию «Три цвета». Кеслевскому, режиссеру, режиссером больше не снимать, «Сегодня» посвятит отдельную страницу. 2) В рамках параллельной программы «Двухнедельник режиссеров» прошла премьера «Кати Измайловой» Валерия Тодоровского (Лесков, брошенный в современность). Но этот фильм сперва удобнее оценить в контексте российского.